Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/RLBZRJ
УДК 821.161.1.0 + 821.133.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 +
83.3(4Фра)6

О РЕЦЕПЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА (СЛУЧАЙ Ж.-П. САРТРА)

© 2023 г. Д.М. Цыганов
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 27 июня 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 09 января 2024 г.
Дата публикации: 25 декабря 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-322-341

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-18-00393, «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», https://rscf.ru/project/23-18-00393/

Аннотация: Представление об интеллектуальной и творческой деятельности Ж.-П. Сартра в советской послевоенной критике и литературоведении неоднократно изменялось под влиянием идеологических и культурных факторов. В контексте глобального противостояния между двумя эстетическими системами — «модернизмом» и «социалистическим реализмом» — экзистенциалиста Сартра воспринимали как главного представителя «упаднической буржуазной культуры». Однако временной промежуток между второй половиной 1940-х и первой половиной 1950-х гг. стал переломным для складывавшейся репутации Сартра в СССР. Из идеологического врага он стал позиционироваться как «попутчик» коммунистической партии, а к концу сталинской эпохи — как «союзник» советского режима. Эти изменения отразились на критической риторике, а также определили ракурс интерпретации идей французского экзистенциализма. Научная новизна настоящей статьи по отношению к российским и французским исследованиям состоит в том, что «негативная рецепция» философии и творчества Сартра рассматривается в связи с оппозицией «буржуазный модернизм» — «социалистический реализм». Подробный анализ появлявшихся в центральной периодике текстов и архивных источников позволяет восстановить эту неявную линию позднесталинской культурной политики.

Ключевые слова: западно-советские литературные связи, экзистенциализм, холодная война, культурная политика, социалистический реализм, модернизм, французская литература XX в., Жан-Поль Сартр, Илья Эренбург.

Информация об авторе: Дмитрий Михайлович Цыганов — научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6633-3401
E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

Для цитирования: *Цыганов Д.М.* О рецепции французского экзистенциализма в культурно-идеологическом контексте позднего сталинизма (случай Ж.-П. Сартра) // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 4. С. 322–341. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-322-341

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 3, 2024

ON THE RECEPTION OF FRENCH EXISTENTIALISM IN THE CULTURAL AND IDEOLOGICAL CONTEXT OF LATE STALINISM (THE CASE OF J.-P. SARTRE)

© 2024. Dmitry M. Tsyganov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: June 27, 2023
Approved after reviewing: January 09, 2024
Date of publication: December 25, 2024

Acknowledgements: This paper was prepared with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00393, "Russia / Soviet Union and the West: A Counter-View. Literature in the Context of Culture and Politics in the 20th Century" (https://rscf.ru/project/23-18-00393/).
Abstract: The perception of J.-P. Sartre's intellectual and creative activity in Soviet post-war criticism and literary criticism has repeatedly altered due to ideological and cultural factors. In the context of the global confrontation between two aesthetic systems, "modernism" and "socialist realism," the existentialist Sartre was perceived as the leading representative of "decadent bourgeois culture." However, the period between the second half of the 1940s and the first half of the 1950s was a watershed for Sartre's emerging reputation in the USSR. From the ideological enemy, he began to be positioned as a "fellow traveler" of the Communist Party and, towards the end of the Stalinist era, as an "ally" of the Soviet regime. These changes influenced critical rhetoric and determined the angle of interpretation of the ideas of French existentialism. The scientific novelty of this article in the field of Russian and French studies is that it considers the "negative reception" of Sartre's philosophy and work in connection with the opposition "bourgeois modernism" / "socialist realism." A detailed analysis of texts appearing in central periodicals and archival sources enables us to reconstruct this implicit line of late Stalinist cultural policy.
Keywords: Western-Soviet literary relations, existentialism, Cold War, cultural politics, socialist realism, modernism, twentieth-century French literature, Jean-Paul Sartre, Ilya Ehrenburg.
Information about the author: Dmitry M. Tsyganov, Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6633-3401
E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru
For citation: Tsyganov, D.M. "On the Reception of French Existentialism in the Cultural and Ideological Context of Late Stalinism (The Case of J.-P. Sartre)." *Studia Litterarum*, 2024, vol. 9, no 4, pp. 322-341. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-322-341

1

Жившие в СССР интеллектуалы из «бывших людей» и представители интеллигенции (в основном, конечно, гуманитарной и творческой) открыли для себя творчество Ж.-П. Сартра (1905–1980) еще в 1930-е гг. Так, И.Г. Эренбург, вспоминая о событиях 1939 г., в мемуарах пишет:

> В мае в Париже была Международная антифашистская конференция. <...> Однажды Фернандо Херасси привел ко мне молодого застенчивого писателя, с которым дружил. Звали его Жаном Полем Сартром. <...> Он подарил мне книгу «Стена»; рассказы были тоже об отчаянии [30, т. 2, с. 198–199][1].

Через несколько месяцев после описанных Эренбургом событий в «Литературной газете» появилась небольшая статья-рецензия К.Л. Зелинского «Книга о “черных” героях», посвященная тому самому подаренному Эренбургу сборнику «Стена» (1939). В этой почти безобидной заметке критик бегло пересказал некоторые из вошедших в «любопытную книгу» новелл («Герострат» (*Erostrate*, 1939), «Интимность» (*Intimité*, 1939), «Комната» (*La chambre*, 1939) и «Стена» (*Le mur*, 1939)) и отметил, рассуждая об идейном компоненте сартровской прозы:

1 Эренбург пишет о том, что встречался с Сартром до войны дважды, но оба раза обстоятельства их короткого общения были случайными. Далее в воспоминаниях писатель вновь обращается к вышеприведенному эпизоду знакомства: «Познакомившись с Сартром, я увидел человека умного, скромного, который тяготился своей славой, называл ее “дурацкой”, — он хорошо знал, что многие, говорившие о нем с благоговением или возмущением, не прочитали ни одной из его книг» [30, т. 3, с. 170].

> Мы часто не умеем ценить нашу советскую литературу, привыкнув к ее здоровью, как к воздуху, который мы не замечаем, потому что дышим им. А есть и такие [читатели], которые даже считают «хорошим тоном» читать только иностранную переводную литературу <...>. Читая Сартра, я с жалостью подумал об этих людях [18].

Подчеркнем, что Зелинский лишь указывает на мировоззренческие нестыковки между *соцреалистическим* и *модернистским* методами художественного осмысления мира, но отнюдь не утверждает ущербность последнего (за это критик подвергнется поруганию со стороны сотрудницы «Интернациональной литературы» Норы Галь). В нескольких резких суждениях критика еще нет той безапелляционности[2], которую критические «выпады» против французского автора обретут в середине 1940-х гг. Примечательно, что *именно Сартра советское литературоведение сделает главным «антиподом» культуры социалистического реализма, а всех «буржуазных» писателей прозовет «сартроподобными изуверами»* (Б.А. Песис). В период войны интерес к иностранной культуре закономерно снизился — на первый план выдвинулась проблема национальной специфики официального советского искусства[3]. Поэтому в контексте военных лет вряд ли можно говорить об отчетливой динамике в отношении к зарубежным авторам. Обострение идеологической обстановки после выступления У. Черчилля с Фултонской речью в Вестминстерском колледже 5 марта 1946 г. и последовавшего вскоре ответа И. Сталина[4] изменило характер западно-советских культурных взаимодействий.

2 Такая реакция была закономерным следствием избранной советской властью политической стратегии взаимодействия с левыми французскими интеллектуалами; см.: [6].

3 Советский литературный проект становился «многонациональным» лишь тогда, когда этого требовала политическая повестка. Необходимость в сплочении провоцировала партийную «верхушку» искать все возможные инструменты для его осуществления прежде всего в пространстве официальной культуры. Такое сплочение причудливым образом монтировалось с усиливавшимися национал-большевистскими настроениями: в *национальной* перспективе этнические границы буквально стирались, а «великая русская культура» становилась тем самым «синтезом», итогом сталинской «диалектики». Эту тенденцию развития советской идеологии уже в те годы начали осознавать на Западе. Так, 3 января 1944 г. американский еженедельник “Time” в связи с утверждением нового гимна в статье “Songs for a New World” напишет, что «Москва дала еще одно доказательство того, что советский цикл от мировой революции к национализму завершен».

4 См.: [19].

Е. Добренко, описывая эволюцию романной формы в русской литературной традиции XX столетия, отмечает: «Соцреализм может рассматриваться в качестве эстетической утопии — он отменял историю, воссоздавая романную эстетику так, как если бы модернизма не существовало» [4, с. 15]. Этот тезис современного исследователя уже на первый взгляд сомнителен, а в приближении и вовсе видится ошибочным. Соцреалистическая литературная практика изначально преподносилась теоретиками как своеобразная альтернатива «старому» искусству, доминирующей линией которого был погруженный в эстетический кризис «декаданс» (т. е. «модернизм» рубежа веков). Из этого следует, что установка на конфронтацию, конкурентное противостояние — черта, изначально присущая сталинскому культурному дискурсу[5]. Кроме того, сталинское литературоведение искусственно противопоставляло образцы «модернистской» культуры так называемому «критическому реализму» — «прогрессивному» течению западной литературы; потребность в более подробной дифференциации западного литературного «модернизма» отсутствовала, так как эффект «недоразвитости» этой эстетической системы выгодно оттенял «многообразие» литературы соцреализма[6]. Т. Мотылева еще летом 1947 г. в статье «Русская литература на Западе» на материале литературы конца XIX столетия сформулировала центральный тезис, на котором основывались советско-западные культурные контакты позднесталинского периода: «Кризис западного реализма совпал с расцветом и под’емом реализма русского» [22]. Тогда же Д. Заславский, вспоминая Шпенглера, пророчил «закат Европы» и писал: «Разложению пессимистической литературы на Западе соответствует, как противоположность, рожденная жизнью, — расцвет советской литературы» [16]. Этим же вызван живой интерес советской стороны к характеру восприятия сталинской культуры западными критиками. Еще в военные годы иностранная комиссия Союза советских писателей начала пристально наблюдать за постоянными изменениями во взглядах на соцреалистическую литературу и готовить подробные многостраничные обзоры критических

5 Еще в речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934 г. А. Жданов отмечал: «...в свете успехов нашей советской литературы еще больше и резче выявляется вся противоположность между нашим строем — строем победившего социализма — и строем умирающего, загнивающего капитализма» [24, с. 3].

6 Подробнее об этом см.: [10].

работ англо-американских авторов[7]. После победы в войне, в период позднего сталинизма, мысль о своеобразии советской официальной культуры и ее принципиальной дистанцированности от проявлений западноевропейского «декадентства» просто не нуждалась в дополнительной аргументации. В этом контексте у массового реципиента и начало складываться весьма специфическое, принципиально отличное от довоенного, отношение к зарубежной литературе конца XIX — начала XX в.

Своеобразие восприятия советской литературной теорией «буржуазного модернизма» и, следовательно, экзистенциализма как его локального проявления не исчерпывалось констатацией их генетической связи с «фашистским искусством»: конфликт между советской и западной концепциями искусства основывался на куда более изощренных культурно-идеологических противоречиях, в послевоенный период нашедших институциональное выражение. Образцы «модернистской» культуры искусственно противопоставлялись так называемому «критическому реализму» — «прогрессивному» течению западной литературы; потребность в более подробной дифференциации западного литературного «модернизма» отсутствовала, так как эффект «недоразвитости» этой эстетической системы выгодно оттенял «многообразие» литературы соцреализма. В период позднего сталинизма мысль о своеобразии советской официальной культуры и ее принципиальной дистанцированности от проявлений западноевропейского «декадентства» просто не нуждалась в дополнительной аргументации. Следовательно, в 1940-е — начале 1950-х гг. отсутствовала сама потребность советской литературы через создание «антиканона» очертить контуры собственной идентичности. Факты свидетельствуют, что за относительно краткосрочным периодом союзнических отношений и сотрудничества со странами Запада последовала не просто реанимация прежних разногласий, но их значительное усугубление, предельная радикализация в условиях все стремительнее сокращавшихся с каждым годом межкультурных взаимодействий. Окончательно оформившийся в культурном пространстве послевоенной эпохи конфликт двух конкурировавших дискурсов требовал от советской стороны поиска новых текстуальных инструментов противодействия «поджигателям новой войны».

7 Один из таких обзоров был подготовлен в мае 1944 г. и был посвящен советской литературе 1943 – начала 1944 г. в оценке западных критиков; фрагмент этого обзора опубликован в: [23, с. 152–158].

Первым текстом Сартра, опубликованным по-русски лишь в конце июня – начале июля 1953 г.[8], стало написанное в 1946 г. программное теоретическое эссе «Экзистенциализм — это гуманизм»[9] (пер. М. Грецкого; М.: Изд-во иностранной литературы, 1953). Брошюра была опубликована в виде приложения к бюллетеню «Новые книги за рубежом» с издательским предисловием и рассылалась читателям по специальному списку. Однако рядовой советский читатель уже был заочно знаком с творчеством французского автора. В течение всей позднесталинской эпохи на страницах газет и «толстых» литературно-художественных журналов то и дело появлялись статьи и сообщения, посвященные резкой критике его эстетической или мировоззренческой позиций. (Для точности отметим: несмотря на отсутствие переводов, его философские и художественные тексты были доступны на французском языке и в Ленинской библиотеке, и в Библиотеке иностранной литературы.) Уже один факт публикации этого полемического трактата на русском языке свидетельствовал о санкционированной властью перемене в оценках не только «писательского облика» Сартра, но и его художественных текстов, о вопиющих недостатках которых центральная периодика без устали твердила советскому читателю все послевоенные годы. Во второй половине 1940-х гг. Сартр, тогда уже прямо говоривший и писавший о смежности его идей с марксизмом[10], тем не менее позиционировался пропагандой как идейный враг, якобы стремившийся подвергнуть тотальному отрицанию эффективность авторитарной управленческой модели.

Вопрос о философском «фундаменте» сартровских взглядов решался без всяких нюансировок, о чем свидетельствует хотя бы печально известная

8 Книга, представлявшая собою довольно точный перевод без заметных сокращений, была подписана к печати 19 июня 1953 г. и опубликована вскоре в типографии журнала «Пограничник» без отметки о тираже. Корректором издания была Н.И. Мильчина.

9 Уже один этот факт ставит под сомнение во многом утрирующий довод Т.В. Балашовой о том, что «Сартр <…> стал доступен российскому (sic!) читателю, не знавшему французского, сначала теми произведениями, которые к теории экзистенциализма не имели прямого отношения, и лишь значительно позднее — в 90-е гг. — своими ключевыми книгами» [3, с. 404]. Очевидно, что партфункционеры от идеологии тут же подобрали наконец дошедшему до читателя Сартру правильное теоретическое обрамление: экзистенциалистские идеи *вовлеченного* в политическую жизнь («ангажированного») Сартра тут же связали с намечавшейся в интеллектуальном пространстве дискуссией о «советском гуманизме», расцвет которой придется на 1960-е гг.

10 Подробнее об этом см.: [7].

статья Заславского «Смертяшкины во Франции», появившаяся в «Правде» в конце января 1947 г. Критик писал:

> ...идеи экзистенсиализма весьма портативны, и их нетрудно изложить в немногих строках. Сам Сартр не претендует на особую оригинальность. В родословном древе экзистенсиализма значатся мракобесы средневековой теологии. Ближайшими своими учителями Сартр называет датского мистика Сёрёна Киркегора (1813–1855) и современного немецкого профессора Хейдеггера, превратившего университет Фрейбурга в фашистское стойло для молодых эсэсовцев. В опоганенных аудиториях этого университета изготовлялась «философская» надстройка над печами Майданека [17][11].

Более важным, таким образом, оказывалось то обстоятельство, что отвергались не теоретические воззрения Сартра, в известной степени смыкавшиеся с идеями поруганных еще в конце 1920-х – начале 1930-х гг. феноменолога Э. Гуссерля и экзистенциалиста М. Хайдеггера[12], а именно итоги его писательской деятельности, за которыми советская пропаганда, если судить по публицистике тех лет, следила очень пристально. Это принципиальный момент. Во второй половине 1940-х гг. Сартр еще до создания цикла критических эссе «Что такое литература?» (*Qu'est-ce que la littérature?* 1948) пришел к отрицанию распространенного в те годы представления о литературе как о продукции, результате планируемого производства, что принципиально противоречило советскому взгляду на эту проблему[13]. Это принципиальное отрицание чуждого для Сартра взгляда на литературу в итоге и привело к ужесточению критической риторики по отношению к мировоззренческим ориентирам и литературным опытам философа. Так, например,

11 Сартр опубликовал незамедлительный ответ на эту статью уже в феврале в «La Gazette de Lausanne». Выход статьи Заславского спровоцировал импульс к появлению риторически сходных текстов. Не случайно именно тогда появляются статьи Г. Гака «Модное течение в буржуазной философии» (Большевик. 1947. № 3), Б. Песиса «Литературно-философский парад Сартра» (Знамя. 1947. № 4), М. Баскина «Философия распада и гниения» (Театр. 1949. № 5), Ю. Жукова «Философия предателей» (Знамя. 1949. № 9), Т. Бачелис «Черная драматургия французских космополитов» (Театр. 1950. № 6).

12 Подробнее о характере рецепции и реализации идей Гуссерля и Хайдеггера в интеллектуальном пространстве раннего СССР см.: [11].

13 Планирование культурного производства было одной из первоочередных задач партийной «верхушки» в послевоенный период (см.: [13]). Реакцией на осознание этого факта стало, например, появление статьи М. Рыльского «Пятилетка и литература» (см.: [27]).

некогда выпускник Высшего литературно-художественного института им. В.Я. Брюсова (1925) Я.В. Фрид в статье «Философия неверия и равнодушия: Жан-Поль Сартр и современный буржуазный индивидуализм» [29] предложил довольно подробную критическую характеристику сартровской художественной прозы, а Н.А. Каринцев несколькими месяцами позднее писал о новом драматическом сочинении Сартра «Мертвые без погребения» (*Morts sans sépulture*, 1946):

> Вся омерзительная сущность сартровской «философии» сказалась в его новой пьесе, где проповедь отказа от борьбы и погружения в нирвану обращена к людям, которые отдали свою жизнь в беззаветной борьбе с фашизмом. Какая злая ирония звучит в названии пьесы — «Победители»! Сартр втаптывает в грязь это прекрасное, светлое слово и тех, кого он осмеливается описывать под именем «победителей» [20].

Кроме того, весьма показательное замечание Каринцева касается пьесы Сартра «За закрытыми дверями» (*Huis clos*, 1943):

> Его первая пьеса, «При закрытых дверях», выдержала только в одном парижском театре «Вье [К]оломбье» 300 спектаклей. <…> На сцене показан ад; в нем осуждены на вечные муки две женщины и мужчина. В сартровском «аде» нет ничего мистического — это шаблонная комната третьеразрядного отеля. <…> …Весь «ад» состоит в том, что эти три человека мучают друг друга. Но смерть, как избавление, невозможна в «аду», и пьеса кончается мрачной репликой одного из ее героев: «Ну что ж, давайте продолжать». Такова эта оскорбительная и лживая пародия Сартра на человеческое «бытие» [20].

Понятно, что партийные критики не могли пройти мимо этой сартровской пьесы: ад, несмотря на глубокую авторскую иронию, в ней показан привлекательнее, чем воспетый в литературе соцреализма коммунально-колхозный «коммунистический рай»… Дабы избежать нежелательных параллелей, советская литературная критика сосредоточилась на попытке убедить несведущего читателя в «катастрофичности» сартровского мироощущения, его дистанцированности от «передовых идей». Ясно и то, что читательской публике, чей круг чтения определялся приматом «снабжения»,

в те годы куда больше пришелся бы по душе второй роман «давнего друга СССР» и «антикапиталистического писателя» Анри Барбюса «Ад» (*L'Enfer*, 1908), избранными фрагментами публиковавшийся в прессе и «толстых» журналах[14]. Словом, литературная критика всячески старалась представить тексты Сартра (особенно драматические) как принципиально чужеродные, органически не соприродные соцреалистической эстетике, которая к тому времени уже обрела довольно четкие очертания. Иными словами, диапазон оценок сартровского творчества был определен весьма строго: имя Сартра нельзя было употребить в одном контексте со словами «талантливый», «умелый», «мастерский» — все эти слова были предусмотрительно вычеркнуты редактором из первого варианта уже упомянутой статьи Б.А. Песиса «Литературно-философский парад Сартра». Для определения его писательского «уровня» нашлось другое слово — «квалифицированный». Устранил редактор и указание на проблемно-тематическое новаторство «Отсрочки» (*Le sursis*, 1945)[15].

2

К середине – концу 1947 г. почти стабилизировалась «теория социалистического реализма», которая после массированного вмешательства партии в дела советского искусства потребовала пересмотра и переосмысления. «Спор о порочной методологии Веселовского» как этап борьбы с «низкопоклонством» завершился к марту 1948 г., когда на страницах «Культуры и жизни» появилась редакционная статья «Против буржуазного либерализма в литературоведении» с подзаголовком «По поводу дискуссии об А. Веселовском». Столь серьезная реакция на дискуссию в «Октябре» определялась тем, что в ее ходе традиционное представление о соцреалистической эстетике, установившееся во второй половине 1930-х гг., было поколеблено усилиями ряда критиков. Поворотным пунктом в процессе «отвердения» соцреалистической литературной теории стал выход в 1947 г. (на титуле — 1948 г.) в издательстве «Советский писатель» сбор-

14 Библиотечная статистика показывает, что читательский спрос на книги Барбюса не только в городских, но даже в сельских библиотеках не уступал спросу на книги Шекспира, Сервантеса, Гюго, Вальтера Скотта, Дюма, Дефо, Марка Твена и Джека Лондона (см.: [14]).

15 Из текста статьи был вычеркнут следующий фрагмент: «В западноевропейской литературе еще не было такого острого изображения мыслей и чувств потерянного поколения в мюнхенские дни» (см.: РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 13. Ед. хр. 709. Л. 25–26).

ника «Проблемы социалистического реализма»[16], в редакционную коллегию которого вошли Б. Бялик, В. Ермилов, Л. Субоцкий и В. Щербина. Книга явилась итогом работы специальной Комиссии теории литературы и критики Союза писателей. Этот том был сопровожден нейтральным вступлением от издательства, в котором сообщалось, что «не все положения статей, входящих в этот сборник, бесспорны, некоторые из них носят дискуссионный характер. Издание настоящего сборника должно послужить толчком для широкого обсуждения вопросов нашей литературной теории, для углубленной разработки творческого опыта советской литературы, уже имеющей за собою тридцатилетний путь развития и роста» [26, с. 5]. Очевидно, что никакого «широкого обсуждения» после весьма однозначных суждений Фадеева, изложенных в статье «Задачи литературной теории и критики»[17], не предполагалось: все тексты, включенные в сборник, так или иначе развивали предложенную «литературным генсеком» точку зрения на соцреализм. В этот том, помимо вышеупомянутой работы Фадеева, вошли статьи Т. Мотылевой («Мировое значение советской литературы»), Б. Бялика («Горький и социалистический реализм»), Е. Тагер («Горький и проблемы советской литературы»), Б. Яковлева («Ростки коммунизма и советская литература»), В. Кирпотина («Пафос социального воспитания»), Я. Эльсберга («Наши ближайшие предшественники»). Заключительным материалом в сборнике стала принципиально важная для нашей темы статья Я. Фрида «Социалистический реализм и современная декадентская литература», отнюдь не случайно почти наполовину посвященная творчеству Сартра.

Статья Фрида — один из ярчайших «антимодернистских» манифестов позднесталинской эпохи. В ней критик ставит под сомнение мысль о продуктивности развития почти всей западноевропейской литературы первой половины XX в. Однако самое большое неудовольствие у него вызывает именно творчество «экзистенсиалистов» — «*специалистов по обессмысли-*

16 Основной каркас сборника был готов уже к началу осени 1947 г. Книга была подписана к печати 16 октября 1947 г.

17 В основу этой статьи, печатавшейся под разными названиями, лег текст выступления Фадеева в конце июня 1947 г. на XI пленуме правления ССП; позднее доклад был напечатан в «Литературной газете» (см.: [28]). Окончательная расширенная (более чем на десять страниц печатного текста) редакция текста датирована 1956 г.

ванию бытия человеческого». Так, Фрид, ссылаясь[18] на уже упомянутое нами эссе «Экзистенциализм — это гуманизм» (*L'existentialisme est un humanisme*, 1946), писал, что «“[п]афос” декадентского индивидуализма — в презрительном снисхождении к слабостям человека. Человек не совершенен. “Роковым” несовершенством людей объясняется несовершенство частнособственнического общества. Человек обречен на чисто обезьянье непостоянство, его мысль, его поступки всегда лишены последовательности <...> он — игралище своих инстинктов, импульсов <...> разум его сумеречен, слаб» [26, с. 366]. Главный упрек в адрес «декадентской эстетики» состоял в культивации декомпозированной личности: «...декадентская литература пришла к распаду искусства <...> к отрицанию целостности характера и превращению целостного характера во множество статичных, простейших состояний психики» [26, с. 373]. Дело в том, что в понимании советских теоретиков культуры пресловутая «концепция личности» оказывалась осевым элементом произведения искусства, поэтому цельность героического типа трактовалась как едва ли не ключевой параметр «удачного» соцреалистического текста и закономерно определяла иллюзорную аксиологическую перспективу этого текста. Нет ничего удивительного в том, что этот параметр в применении к «натуралистическому» методу Сартра давал отрицательный результат: «По Сартру, — продолжал Фрид, — только смерть раскрывает “реальную” ценность действий человека — ценность, которая... равна нулю. <...> Отсюда цинично-релятивистское отрицание всех моральных ценностей» [26, с. 375]. Не обошел вниманием Фрид и вопрос о жанровой специфике «декадентского» искусства. В типичной для работ такого плана оппозитивной манере критик стремился показать «ущербность» западной литературы с присущей ей тенденцией к «распадающейся» романной форме на фоне «цветущего» социалистического реализма с его тягой к монументальности текста:

18 Примечательно, что Фрид дает ссылки на тексты Сартра по французским изданиям, что еще раз подтверждает факт их доступности в Советском Союзе (книги ввозились по заказу институций и в результате дипломатических визитов; следует учитывать и то, что издания доставлялись в СССР с очень большой задержкой вплоть до полутора лет). При всем этом поражает объем привлекаемых критиком источников: Фриду были доступны не только художественные тексты, но и публицистика Сартра, вышедшая всего за несколько месяцев до публикации им статьи.

> Сартр, — утверждает Фрид, — доводя до окончательного развития приемы композиции Джойса и Дос-Пассоса[19], рубит роман на кадры и кадрики, перемешивает их — и в каждом отрезке перед нами клочок «внутреннего монолога» какого-то одного «конкретного» человека и клочок его «индивидуального» времени. <…>
>
> Кадрики Сартра разбивают существование героя на хаос отдельных состояний, не связанных друг с другом: каждое состояние может быть «независимым» от предшествовавших состояний, от цельности характера [26, с. 381].

Тенденция к фрагментарности в советской литературе, будучи едва ли не центральным стилевым ориентиром 1920-х – начала 1930-х гг. (в частности, в «метельном» стиле раннесоветской прозы[20]), оказалась подавленной в ходе многочисленных дискуссий о параметрах творческого метода. Уже во второй половине 1940-х гг. монументализм советской прозы достиг высшей точки — «Большой Стиль» предъявил себя во всей полноте. Необузданное стремление практики соцреалистического письма к оформлению в специфический метанарратив привело к упразднению текстовой замкнутости, к окончательному демонтажу «теории романа» («эпос» взял верх над «романом»). Иначе говоря, твердая литературная форма перестала быть средством репрезентации соцреалистической эстетики, которая обрела способность формировать более сложные текстовые структуры. Фрид уже в 1947 г. осознал, что в дихотомии «распадающегося» / «монументального» состоит едва ли не главная черта различия между «модернизмом» и «соцреализмом», и, по-видимому, нехотя, резюмировал, провоцируя искушенного читателя на усмешку:

> Когда от Морана, Клоделя, Сартра, Кафки, Камю мы переходим к Горькому, Маяковскому, к «Молодой гвардии» Фадеева, к «Людям с чистой совестью» П. Вершигоры, к произведениям Шолохова, мы словно вырываемся из подземелья на простор, к яркому солнцу <…>. Вообще не следует пре-

19 Выбор именно этих имен отнюдь не случаен и отсылает к давней дискуссии о Джойсе и Дос Пассосе, состоявшейся в первой половине 1930-х гг. Подробнее об этом см.: [5, с. 259–266; 8, с. 669–686].

20 Подробнее об этом см.: [1, с. 111–118].

> увеличивать роль декадентства в западной литературе последних десятилетий. <...> Вспомним, что передовые западные писатели уже давно с огромным интересом следят за развитием советской литературы и изучают ее опыт, — что для них стало маяком гениальное сталинское определение принципов социалистического реализма [26, с. 389–390].

Имен этих «передовых западных писателей» Фрид, конечно же, не называет. Эта фигура умолчания объясняется тем, что советская пропаганда трепетно «подбирала слова», когда речь шла о работе с внешними потребителями советской идеологической риторики. Поэтому в «проработочных» статьях такого толка очень редко можно встретить упоминания конкретных «подельников». Вердикт Фрида сформулирован без обиняков: «Будет расти и развиваться талантливая передовая литература Запада, ибо творческие возможности народов неисчерпаемы. А творчество тех писателей, которые сознательно и упорно противопоставляют себя народу, принадлежит небытию, к которому оно так устремлено» [26, с. 393].

В самом конце 1940-х гг. отношение к западноевропейской литературной традиции заметно усложнилось. Если раньше, как уже было отмечено, советские теоретики позиционировали «модернизм» как весьма атомизированное, но тем не менее относительно цельное в идейном отношении явление, противостоящее прогрессивному «критическому реализму», то после борьбы с «низкопоклонством перед Западом» под влиянием различных — прежде всего идеологических — факторов в трактовке «модернизма» наметилась тенденция к несколько более подробной дифференциации. Однако эта трактовка «чужой» культуры по-прежнему осталась сопряженной с проблемным полем «основного метода» советской литературы. Таким образом, во второй половине 1940-х гг. за Сартром в советском науке о литературе и литературной критике по ряду не вполне логически формализуемых причин закрепилась репутация лидера «декадентской (читай “модернистской”. — *Д.Ц.*) литературы загнивающего Запада». Ни один (!) из европейских или американских писателей и мыслителей первой половины XX столетия не удостоился такого внимания коммунистической пропаганды и, как следствие, такого числа дискредитирующих публикаций. С уверенностью можно говорить о том, что случай Сартра показателен не только для периода сталинизма, но и для всей семидесятилетней советской эпохи.

Однако в этой истории довольно длительных *взаимоотношений* были и периоды «потеплений», первый из которых пришелся на начало 1950-х гг.

3

В первой половине 1950-х гг. отношение к фигуре Сартра неоднократно и весьма стремительно менялось. В книге Б.А. Песиса «Французская прогрессивная литература в борьбе за мир и демократию», создававшейся в конце 1940-х – первой половине 1951 г. и подписанной к печати в январе 1952 г., содержится краткая, но эмоционально емкая характеристика сартровской интеллектуальной деятельности:

> Сартр вскоре после окончания войны опубликовал в Лондоне подхалимское «обращение» к англо-саксам. Беря на себя роль лжесвидетеля, Сартр заявил, что никакого реального сопротивления французских партизан и подпольщиков не было. Сартр осмеливается называть героические подвиги таких людей, как Габриэль Пери, «жестами». В качестве «освободителей» Франции он рекламирует всех тех, кто руками де Голля изменнически подрывал борьбу французских партизан [25, с. 145].

Кроме того, Песис прямо говорит о «коллаборационистских» взглядах Сартра[21] и выдвигает вполне конкретные обвинения, ранее не артикулировавшиеся так развернуто:

> «Коллаборационизм, — нагло заявляет Сартр, — был усилием вернуть Франции ее будущее»[22]. Таким образом, ясно, какое будущее хотели бы готовить Франции сартры, — нечто вроде деголлевского Виши под сапогом у американских генералов.
>
> «Опровергая» историю Сопротивления, историю борьбы за свободу и национальную независимость Франции, Сартр прибегает к откровенно космополитической клевете на народ. <…> Сартры приходят в неистовство

21 См. современную интерпретацию этого вопроса: [9].

22 Цитата из примечания Сартра к его собственной статье «Париж при оккупации» (*Paris sous l'Occupation*), опубликованной в 1945 г. в лондонском органе печати политического объединения «Свободная Франция».

всякий раз, когда французский народ выступает в защиту мира, против террора, осуществляемого лидерами «американской партии» [25, с. 145–146].

Важным для нас оказывается и другой контекст, намеченный в приведенном фрагменте. Критик утверждает абсолютную несамостоятельность мировоззренческих установок Сартра, называет его, наряду с Андре Мальро[23], «более натренированным шулером», чем любые другие деятели «французского декадентства и литературного гангстерства американского образца». Песис прямо связывает интеллектуальную деятельность Сартра со «шпионофобией», набиравшей обороты в послевоенном СССР (ср.: «Сартры и прочие воспевают “чувства шпионов”, что вполне отвечает функциям гангстеров пера, занимающихся вербовкой предателей и диверсантов для Эйзенхауэра» [25, с. 150–151][24]).

Вскоре — как это стали представлять советские критики — во взглядах Сартра наметилась перемена[25], сделавшая возможным его сближение сперва с кругами «левых» французских интеллектуалов, выступавших против политической линии американского правительства, а затем и с руководством СССР. В середине – второй половине 1952 г. на станицах «Тан Модерн» в виде серии статей появился его трактат «Коммунисты и мир» (*Les communistes et la paix*, 1952, 1954), после чего Сартра начинают воспринимать как «попутчика» коммунистического движения. Антиамериканизм, ставший доминирующим в политических взглядах мыслителя, послужил поводом к возбуждению в кругах советской партийно-литературной номенклатуры прагматического интереса к его фигуре.

В предоттепельную эпоху некогда «попутническая» репутация Сартра в СССР значительно окрепла[26]: былой враг социалистического режима фактически стал его идейным «пособником». После выступления Роже Га-

23 Подробнее о репутации Мальро в сталинском СССР см.: [8, с. 162–221].

24 Примечательно, что в конце 1930-х гг. Песис, заведовавший отделом теории и критики в «Интернациональной литературе», и Мальро состояли в переписке: в письме 1937 г. критик, пытаясь переменить мнение писателя о журнале, раболепно и мягко упрекал его в «проявлении минутной “развязности”» (см.: [3, с. 387–389].

25 Уже позднее советские историки и биографы Сартра представляли эту трансформацию как закономерный и безальтернативный процесс (см., например: [21]).

26 Подробнее о взаимоотношениях Сартра и советского правительства в 1950-е гг. см.: [2].

роди[27] перед Иностранной комиссией Союза писателей[28] в начале 1954 г. о «полезности» Сартра для дел компартии ни у кого не осталось сомнений в возможности его приезда в СССР. В конце мая 1954 г. Сартр и Симона де Бовуар по приглашению ССП приехали с месячным визитом, в ходе которого советской стороне удалось заручиться поддержкой писателя в деле постановки нескольких его пьес {«Почтительная шлюха» (*La Putain respectueuse*, 1946) и «Кин» (*Kean*, 1953)}[29]. Второй раз Сартр посетил СССР в октябре 1955 г. на обратном пути из Китая. Мыслитель прошел ту самую пресловутую «проверку», которую ему готовили советские партфункционеры от культуры, но они встречную «проверку» пройти не смогли. После ввода советских войск в Венгрию в начале ноября 1956 г. во взаимоотношениях Сартра и коммунистической партии вновь наметится кризис[30]. Краткосрочный период идейного сближения между СССР и французским мыслителем не произвел эстетической революции: экзистенциализм по-прежнему оставался для советской литературы внеположенным явлением.

Список литературы

Исследования

1 *Белая Г.А.* Закономерности стилевого развития советской прозы двадцатых годов. М.: Наука, 1977. 254 с.

2 *Гальцова Е.Д.* Недоразумения (первая канонизация Сартра в СССР) // Литературный пантеон: Национальный и зарубежный. М.: Наследие, 1999. С. 295–314.

3 Диалог писателей: Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 954 с.

4 *Добренко Е.А.* Судный день русской литературы. Пост-классический роман: Канон и трансгрессия // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 3. С. 9–22. DOI: 10.26170/FK20-03-01

5 История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 791 с.

27 Отметим, что именно он в 1947 г. опубликовал разгромную книгу «Литература могильщиков» (*Une littérature de fossoyeurs*), где обрушился на «некоммунистических левых» писателей Франции, и в том числе на Сартра.

28 Текст выступления Гароди был опубликован под названием «О некоторых явлениях в современной французской литературе» в «Знамени» (1954. № 6).

29 Подробнее об этом и последующих визитах Сартра в СССР см.: [12].

30 На этот раз в роли судьи Сартра выступит все тот же Гароди, всего два года назад настаивавший на положительной эволюции сартровских взглядов (см.: [15]).

6 *Краева Т.В.* Французские левые интеллектуалы и советский Союз: механизмы взаимодействия и литературные контакты в 1920-х –середине 1930-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 2 (22). С. 97–106.
7 *Постер М.* Экзистенциальный марксизм в послевоенной Франции: От Сартра к Альтюссеру // Философско-антропологические исследования. 2008. № 3–4. С. 86–123.
8 Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории 1917–1941 годов: Исследования и архивные материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 871 с.
9 *Фокин С.Л.* Экзистенциализм — это коллаборационизм? (Несколько штрихов к портрету Жана-Поля Сартра в оккупации) // Новое литературное обозрение. 2002. № 3 (55). С. 258–281.
10 *Цыганов Д.М.* Холодная война с «модернизмом»: Международная Сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // Rossica. Литературные связи и контакты. 2022. № 2. С. 191–268. https://doi.org/10.54791/27823792_2022_2_191_268
11 *Dennes M.* Husserl — Heidegger. Influence de leur œuvre en Russie. Paris; Montréal: L'Harmattan, 1998. 334 p.
12 *Vaissié C.* Sartre et l'URSS: Le Joueur et les survivants. Rennes: Presse Universitaires de Rennes, 2023. 414 p.

Источники

13 *Бахметьев В.* О едином творческом плане // Литературная газета. 1946. № 43 (2306). 19 октября. С. 2.
14 *Бобров А.* О чтении сельской молодежи // Библиотекарь. 1946. № 9–10. С. 36–38.
15 *Гароди Р.* Ответ Сартру // Литературная газета. 1956. № 142 (3643). 29 ноября. С. 3.
16 *Заславский Д.* Конец и начало // Литературная газета. 1947. № 52 (2367). 5 ноября. С. 3.
17 *Заславский Д.* Смертяшкины во Франции // Правда. 1947. № 21 (10412). 23 января. С. 4.
18 *Зелинский К.Л.* Книга о «черных» героях // Литературная газета. 1939. № 44 (823). 10 августа. С. 2.
19 Интервью тов. И.В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 1946. № 62 (10144). 14 марта. С. 1.
20 *Каринцев Н.* Пропаганда маразма и безумия // Литературная газета. 1947. № 14 (2329). 5 апреля. С. 4.
21 *Киссель М.А.* Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л.: Лениздат, 1976.
22 *Мотылева Т.* Русская литература на Западе // Литературная газета. 1947. № 30 (2345). 19 июля. С. 2.

23 «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 2: в 2 кн. 893 с. + 767 с.
24 Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934. 718 с.
25 *Песис Б.А.* Французская прогрессивная литература в борьбе за мир и демократию. М.: Сов. писатель, 1952. 180 с.
26 Проблемы социалистического реализма: Сб. статей. [М.]: Сов. писатель, 1948. 395 с.
27 *Рыльский М.Ф.* Пятилетска и литература // Литературная газета. 1946. № 20 (2283). 9 мая. С. 3.
28 Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Доклад генерального секретаря ССП СССР тов. А. Фадеева // Литературная газета. 1947. № 26 (2341). 29 июня. С. 1–2.
29 *Фрид Я.В.* Философия неверия и равнодушия: Жан-Поль Сартр и современный буржуазный индивидуализм // Литературная газета. 1946. № 43 (2306). 19 октября. С. 3.
30 *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: в 3 т. М.: Сов. писатель, 1990.

References

1 Belaia, G.A. *Zakonomernosti stilevogo razvitiia sovetskoi prozy dvadtsatykh godov* [*Regularities of the Stylistic Development of Soviet Prose of the 20s*]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 254 p. (In Russ.)
2 Gal'tsova, E.D. "Nedorazumeniia (pervaia kanonizatsiia Sartra v SSSR)" ["Misunderstandings (The First Canonization of Sartre in the USSR)"]. *Literaturnyi panteon: Natsional'nyi i zarubezhnyi* [*Literary Pantheon: National and Foreign*]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 295–314. (In Russ.)
3 *Dialog pisatelei: Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh sviazei XX veka. 1920–1970* [*Dialogue of Writers: From the History of Russian-French Cultural Ties of 20th Century. 1920–1970*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002. 954 p. (In Russ.)
4 Dobrenko, E.A. "Sudnyi den' russkoi literatury. Post-klassicheskii roman: Kanon i transgressiia" ["Judgment Day of Russian Literature. Post-Classical Novel: Canon and Transgression"]. *Filologicheskii klass*, vol. 25, no. 3, 2020, pp. 9–22. DOI: 10.26170/FK20-03-01 (In Russ.)
5 *Istoriia russkoi literaturnoi kritiki: Sovetskaia i postsovetskaia epokhi* [*History of Russian Literary Criticism: Soviet and Post-Soviet Era*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 791 p. (In Russ.)
6 Kraeva, T.V. "Frantsuzskie levye intellektualy i sovetskii Soiuz: mekhanizmy vzaimodeistviia i literaturnye kontakty v 1920-kh – seredine 1930-kh gg." ["French

Left-Wing Intellectuals and the Soviet Union: Mechanisms of Interaction and Literary Contacts in the 1920s – mid-1930s"]. *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 2 (22). 2013, pp. 97–106. (In Russ.)

7 Poster, M. "Ekzistentsial'nyi marksizm v poslevoennoi Frantsii: Ot Sartra k Al'tiusseru" ["Existential Marxism in Postwar France: From Sartre to Althusser"]. *Filosofsko-antropologicheskie issledovaniia*, no. 3–4, 2008, pp. 86–123. (In Russ.)

8 *Postizhenie Zapada. Inostrannaia kul'tura v sovetskoi literature, iskusstve i teorii 1917–1941 godov: Issledovaniia i arkhivnye materialy* [*Understanding the West. Foreign Culture in Soviet Literature, Art and Theory 1917–1941: Research and Archival Materials*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 871 p. (In Russ.)

9 Fokin, S.L. "Ekzistentsializm — eto kollaboratsionizm? (Neskol'ko shtrikhov k portretu Zhana-Polia Sartra v okkupatsii)" ["Is Existentialism Collaborationism? (Some Touches to the Portrait of Jean Paul Sartre in Occupation)"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (55), 2002, pp. 258–281. (In Russ.)

10 Tsyganov, D.M. "Kholodnaia voina s 'modernizmom': Mezhdunarodnaia Stalinskaia premiia v kontekste zapadno-sovetskikh literaturnykh vzaimodeistvii perioda pozdnego stalinizma" ["The Cold War with 'Modernism': The International Stalin Prize in the Context of Late Stalinist Western-Soviet Literary Contacts"]. *Rossica. Literaturnye sviazi i kontakty*, no. 2, 2022, pp. 191–268. https://doi.org/10.54791/27823792_2022_2_191_268 (In Russ.)

11 Dennes, Maryse. *Husserl — Heidegger. Influence de leur œuvre en Russie*. Paris, Montréal, L'Harmattan, 1998. 334 p. (In French)

12 Vaissié, Cécile. *Sartre et l'URSS: Le Joueur et les survivants*. Rennes, Presse Universitaires de Rennes, 2023. 414 p. (In French)